

Собеседник

Степанянц Мариэтта Тиграновна

Ведущий

Рубец Мария Владимировна

Дата записи

Беседа записана 7 мая 2013 и опубликована 3 сентября 2013.

Введение

Мариэтта Тиграновна вспоминает о военном детстве, эвакуации в Новосибирск и работе в составе бригады гуманитарной помощи в Филатовской больнице. О начале обучения в легендарном Московском институте востоковедения и его расформировании, о переводе в МГИМО на факультет международных отношений и стажировке в Индии. Она размышляет о трудностях становления философского востоковедения в отечественной науке и своем участии в международных конгрессах по востоковедению. Затронута важнейшая проблема необходимости межкультурной коммуникации: «Чрезмерная жадность в одних местах, и отсутствие всего даже самого необходимого в других, создает совершенно недопустимую ситуацию для выживания человечества в целом. И с этим придется столкнуться. Потому, что на самом деле этот век будет очень тяжелым. Это будет век столкновений – не обязательно чисто военных – но будет напряжение между благополучными и неблагополучными мирами. И это тоже надо будет как-то решать».

Публикуется в рамках партнерской программы Фонда «Устная история» и Института философии РАН.

Мария Владимировна Рубец: Моя собеседница – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, завкафедрой ЮНЕСКО «Философия в диалоге культур», которая располагается здесь, в Институте философии. До 2012 года она руководила сектором восточных философий, а ныне является главным научным сотрудником Института философии Российской академии наук. Очень красивая, добрая и отзывчивая женщина Мариэтта Тиграновна Степанянц.

Мариэтта Тиграновна Степанянц: Спасибо, Маша.

М.Р.: Мариэтта Тиграновна, давайте начнем с ваших детских воспоминаний; расскажите, пожалуйста, о своем детстве... вы же родились до войны... расскажите.

М.С.: Значит, до войны. Вы деликатно не упомянули мой возраст, но я родилась в 1935 году, в октябре. Говорят, что дети хранят воспоминания, начиная где-то с трех лет. Но я ничего не помню, про то, когда мне было три-четыре года, хотя я обнаружила фотографии, где в три года я была с мамой на море, в Анапе. Воспоминание о море должно быть ярким, но я этого не помню. Мои воспоминания начинаются с начала войны. Мне тогда в 1941 году было пять с половиной лет. Странно, но самое первое воспоминание – это как звучала сирена тревоги и как мы бежали в бомбоубежище. Мне это очень нравилось, потому что в бомбоубежище были противогазы, там собирались дети, в общем, нам было весело, и я была очень огорчена, когда мама решила в бомбоубежище не ходить. Она довольно быстро так решила. Решила потому, что моя младшая сестра родилась за четыре дня до войны, восемнадцатого июня. Маме было тяжело с ребенком бегать, и она сказала: «Будем в кухне» (которая у нас была между двумя стенами двух комнат, и там не было окна). Если будут осколки, то мы не пострадаем». Вот так мы и оставались дома. Это был июнь, а в июле мы уже эвакуировались. Помню, что мы приехали на вокзал – я не помню, какой это был вокзал, – но я помню, что была объявлена тревога, и это было очень страшно, потому что нам надо было куда-то бежать. Потом я помню, как мы ехали две недели до Новосибирска. Это тоже мне нравилось. Было интересно, хотя мы ехали в теплушках, в которых коров, скот возят, то есть были такие полаты в вагоне без окон, без дверей. С нами была еще семейная пара по фамилии Ангеловы. Хорошая фамилия – Ангеловы! С мамой было двое детей и моя бабушка. Мама очень наивно, когда останавливался поезд, каждый раз выходила (я это тоже почему-то помню) и спрашивала: «Ну, война кончилась?» Потому что до этого была война с финнами и она быстро кончилась. И поскольку пропаганда у нас говорила, что мы все такие сильные, то мама тоже думала, что война должна вот-вот кончиться. Еще помню, чем нас кормили: у нас был такой паек – нам все время давали печенье и сгущенку, которую я потом долго не хотела есть. Но потом я о ней вспоминала, как о райской пище. Потому что потом начался Новосибирск, нас расселяли по квартирам... Это были все-таки тяжелые времена: у нас в первую же зиму на всех пальцах появились фурункулы... И мама моя (она была очень энергичная женщина) ездила с другими женщинами в деревни (чтобы попасть в эти деревни надо было паромом как-то передвигаться, однажды она где-то в болоте чуть не увязла) и меняла отцовское нательное белье на продукты. Я помню, как мама в первый раз привезла совершенно замечательные продукты. Это были розовые ледяные, прямо как сосульки, картошки, и замерзшие круги молока. Больше я ничего не помню. Помню как потом погреб нам дали от завода, и мы его заполняли. Помню, как мама мне номерок писала на ладошке, и я ходила ее менять в очереди за шоколадом. Там почему-то остановился поезд, который шел, не знаю куда, и кому-то вез шоколад, но потом застрял в Новосибирске (*смеется*). Такие вот воспоминания. Мы довольно быстро вернулись. Мы вернулись в Москву в начале 43-го года.

М.Р.: Так рано... А отец не с вами был?

М.С.: Нет. Отца в действующую армию не взяли, потому что у него было очень плохо с ногами. Но он был в армии все равно. У него даже был орден Красной звезды. Он был в армии во Внуково. И обеспечивал там все, что связано с аэропортом. Поэтому мы его не видели, конечно. Но за эти годы... Тяжелое воспоминание у меня было – это когда я узнала, что оба моих дедушки умерли. Один дедушка – отец моего отца – умер в Москве от голода. Они оказались очень беспомощными, и он умер уже к концу зимы 41 года. А второй дедушка – мамин отец – его накануне войны в лагерь отправили. И мама посылала ему какую-то посылку, я помню, деревянную, собирала в ящичек. Где-то он был под Омском в лагерях.

Но что интересно, такие были голодные времена, но посылка к нам вернулась – а это была продуктовая посылка. Она вернулась, с извещением, что адресат уже умер. Понимаете, какой был порядок, что продуктовую посылку не задержали, не оставили, а вернули нам. Так что, мы вернулись в 43-м году, и я помню, что мне было очень стыдно, потому что (я уже, все-таки, взрослая была) мы ехали в поезде, и под полкой, на которой мы спали, внизу был мешок с картошкой. Я маме говорю: «Как стыдно. Зачем мама, ты везешь картошку?» А она говорит: «Вот мы приедем в Москву, а что мы там будем есть?» *(Смеется)*. Вот так мы и жили. В общем – выжили. И помню очень хорошо первый салют. Потому что это было нечто совершенно замечательное. Мы жили на Спиридоновке в доме МТС – доме железнодорожников, на улице Алексея Толстого. Там было двенадцать подъездов и внутренний большой двор. Я помню, что первый салют был дан ... по-моему это было пятого августа, день маминого рождения, во всяком случае у нас были гости, наверно, это был день ее рождения *(5 августа 1943 года в ходе Курской битвы были освобождены города Орел и Белгород. В этот день в Москве был дан первый с начала войны салют – прим. М. Р.)*. Во время салюта все жильцы выскочили на улицу. А у нас был такой артист Залевский, который жил через подъезд от нас, у него даже откуда-то оказался флаг Советского Союза – он выбросил на балконе этот флаг... В общем, было всеобщее ликование. Помню, как кончилась война, и девятое мая очень хорошо помню. Потому что у мамы был знакомый – Герой Советского Союза, а папа в это время попал в автокатастрофу и не мог поехать с нами. И так, мама, этот Герой Советского Союза, ее подруга и я, все мы на машине, потому что у Героя Советского Союза была машина, хотели доехать до Красной площади. Но до Красной площади мы, конечно, не доехали, а около нынешнего Моссовета (я не помню, что тогда было там) нашего Героя Советского Союза вытащил из машины ликующий народ, увидев, что он Герой Советского Союза, и его начали подбрасывать. Потом мы вернулись домой. Вот так. Еще от времен войны я помню госпиталь. Это тоже яркое и тяжелое воспоминание. Был, наверное, 44-й год – я еще в школу не ходила.

М.Р.: Госпиталь располагался в Москве?

М.С.: Этот госпиталь располагался в Филатовской детской больнице. И мы туда ходили – женщины нашего дома, в том числе и моя мама, со своими детьми – помогать проводить культурную программу для раненых. Я какие-то стихи читала там, но я запомнила другое. Меня как-то повели в палату, одиночную. *(плачет)* Там лежал мальчик совершенно один... весь перебинтованный (я не знаю, наверно, он был какой-то танкист), его звали Марат. И я ему читала «Принца и нищего». Несколько дней я почитала, а потом когда пришла в очередной раз, мне говорят: «А Марата уже нет...» Все, не будем про это больше.

М.Р.: После войны вы вернулись в свою квартиру?

Молодые годы

М.С.: Честно говоря, мы в свою квартиру не могли вернуться, сначала, потому, что ее почему-то кто-то забрал. Но потом – я не помню, где мы были – но я помню, что нам ее отдали. Постепенно мы какие-то вещи восстановили. Но так особенно ведь тогда вещей не было у людей. Правда, я помню, что у нас было две комнаты, и была отдельная квартира, что по тем временам было роскошью, конечно. На первом этаже, в бельэтаже мы жили. Единственное, что я помню из мебели – это старенький буфетик. У меня сейчас такой стоит на даче. И у мамы почему-то были там хорошие кофейные чашки. Это, между прочим, был «Севр» – хороший французский фарфор. И когда объявляли тревогу, мама нас относила в кухню, вернее мою сестру Аллочку, а я видела, что мама делает. Она (правда, потом она уже перестала это делать) на диван складывала эти чашки, потому что она боялась, что они разобьются. Ну, в конце концов, она их конечно разбила. Не все, но одну, да. Они остались и до сих пор у меня дома стоят. Когда вы придете как-нибудь, я вам кофе подам. Очень красивые чашки. Такие коричневые. Еще я запомнила, что, когда мы переехали в квартиру, в спальне у нас была дыра в стене. Потому что прямо через дорогу стоял двухэтажный дом (я не помню, что в нем было), но в него попала бомба. И осколком нам пробило стену. Позже все это быстро стало восстанавливаться. И потом я была ребенком, а потому остались все какие-то светлые воспоминания. Хотя вот госпиталь... Я потом в этот же госпиталь попала с острым аппендицитом. Там был госпиталь, но еще оставалось от Филатовской какое-то детское отделение, и я помню, что пока я там лежала, у нас вокруг было много детей, и были мальчики, которые на костылях и без ноги одной ходили. Те, которые в Подмоскovie подорвались на каких-нибудь минах. Но все равно они были веселыми. Слава Богу, что детство это может скрашивать.

М.Р.: А вы своих друзей встретили, когда вернулись?

М.С.: Друзей? Каких?

М.Р.: У вас же были друзья в детстве?

М.С.: Раньше в домах люди жили не так как сегодня: когда никто не знает соседних жильцов. Тогда мы всех знали. Во всех двенадцати подъездах знали, кто живет. И дети очень дружили. Огромный двор! У нас была своя жизнь, не только детская (мы в лапту играли, казаки-разбойники и т.д.), но кроме того, моя мама была большая общественница, и она в военное время (это уже правда был 44-й – 45-й год) устраивала елки. Большую елку откуда-то доставала и во дворе устраивала елку для всех детей. А летом – я только не помню, по какому поводу, – она устраивала маскарад. И все дети приходили в костюмах из бумаги – у меня есть фотография, я вам могу ее показать. Старались как-то жить. Поэтому я со многими из тех, кто там жил, кто еще остался жив, до сих пор поддерживаю отношения. У нас очень хорошие соседи в подвале жили, они, правда, потом переехали. Но все равно мы долго с ними дружили. В соседнем подъезде были друзья... В общем, много было хороших людей, все друг другу помогали. Это было большим подспорьем в тяжелые времена. Потом мы и в школу... в школе учились только девочки – мы учились отдельно, поэтому несколько человек из нашего двора, мы ходили все вместе.

М.Р.: А в школу вы в каком году пошли?

М.С.: Я пошла немножко позже. Я пошла сразу во второй класс – наверное, в девять лет. Мама меня не отдала в первый класс, поскольку я уже училась в Гнесинской музыкальной школе, и она считала, что нет ничего страшного, если я первый класс пропущу. Потому что я читала хорошо с пяти лет. До того, как я официально поступила в Гнесинку, я еще год или два – может, в 44-м или 45-м – ходила к двум старушкам, совершенно замечательным. К сожалению, я не помню, как их звали. Это были такие старые интеллигентные старушки, которые жили напротив Консерватории. Вы знаете, напротив Консерватории есть такая маленькая церквушка, которую сейчас восстановили, а позади нее (сейчас этот дом отдали не то Юдашкину, не то еще кому-то) – дом исторический, особняк. Раньше он, конечно, принадлежал одному владельцу. А тогда это была такая общага, и в большой комнате жили эти две старушки. Одна преподавала музыку. У нее был рояль, и я к ней ходила брать уроки музыки. А у другой была группа – еще одна девочка и мальчик. Фамилию девочки помню – Бурмистрова, а мальчика не помню. Мы занимались немецким, русским языком, литературой и математикой. Я ничего из этого не помню – немецкого я, конечно, не знаю – но я все же помню, какие мы читали стихи. Мы читали Жуковского, Лермонтова. Я до сих пор помню Жуковского – «Кубок» знаменитый. Я помню, как читала «Воздушный корабль». «По синим волнам океана» – знаете? Это о Наполеоне.

М.Р.: Наизусть не знаю...

М.С.: Да. Замечательные стихи о Наполеоне, который уже сослан на остров св. Елены. И, когда гости приходили, я вставала на стул – меня мама ставила – и читала: «Скрестивши могучие руки, главу опустивши на грудь», – и так далее, и так далее. Так что я у них образование получала. А потом уже во втором классе я пошла в школу. Довольно быстро все нагнала. Хорошая школа была на Бронной. Сейчас там ВААП.

М.Р.: Но эта школа осталась, по-моему.

М.С.: Нет, нет, эта не осталась. Если только ВААП не выгнали – это комиссия по авторским правам.

М.Р.: Вы в эвакуации в школу не ходили?

М.С.: Ну я же маленькая была, какая школа?

М.Р.: А школа была с 7 или с 8 лет?

М.С.: Тогда с 8 было, а я вообще с 9 пошла. В 8 лет мы уже были здесь. Я думаю, что там невозможно было ходить, не до этого было.

М.Р.: Конечно. Расскажите про школу. Школы же были отдельными. Девочки учились отдельно

от мальчиков.

М.С.: Да. У нас хорошая была школа, мне так кажется. Я любила свою школу. Хорошая московская школа. Район старой Москвы. Сейчас там живут богатые, а раньше жила обычная московская интеллигенция. Наш дом был – я вам говорила – дом железнодорожников, поэтому была такая грустная история про этот дом. Там почти во всех семьях – по крайней мере, у девочек с которыми я ходила в школу – у всех дедушки сидели в лагерях, дедушки или даже папы. Такое вот... было. Но потом некоторые даже смогли вернуться. Но как-то в школе этого никто не обсуждал. Так же, как никогда не обсуждался национальный вопрос. Про национальность мы узнали, вернее, заговорили, только когда был процесс над врачами. Довольно поздно. Школьную директрису мы не любили, я даже поэтому не помню, как ее звали. У нас был замечательный классный руководитель – математик – Федор Иванович. Чудный был человек. У нас было двое мужчин-учителей, они оба хорошие были. Борис Васильевич, который физику преподавал – он стал потом заслуженным учителем. А Федор Иванович был особенно хорош. Может быть, поэтому... У меня же был тернистый путь, по которому я пришла сюда. Когда я собиралась кончать школу, в десятом классе – а я была отличница, примерная девочка – и когда в десятом классе Борис Васильевич (физик) попросил каждого написать куда он собирается идти поступать на учебу. Я написала, что хочу идти в Институт востоковедения или на факультет искусствоведения, ну это было подсказано отчасти семейным кругом, друзьями и т.д. Я была единственной, кого он вызвал и сказал: «Мара, я думал – ты умная девочка. Ты что? Куда ты идешь, кому это нужно все? Ты должна идти на физфак». И поскольку он был для меня авторитетом, да еще к нему подключился мой любимый Федор Иванович, который тоже меня вызвал и сказал: «Ты должна идти в Бауманский». Потому что я действительно очень любила математику. Он даже меня познакомил со своим сыном, который кончал тогда Бауманский. И я к ужасу моих родителей решила изменить ориентацию. Весь год готовилась к поступлению на физфак. Я получила золотую медаль, и надо было пройти собеседование. Но я, конечно, не прошла. Теперь я понимаю, что я не прошла потому, что была девочкой. Почему я думаю, что из-за этого, потому что у меня был друг, который учился в Бауманском. И когда я проходила собеседование – а собеседование проходило на Моховой – вот коридор и вдоль коридора комнатки были и все слышно, там даже двери открыты были. И я отвечала, а Валя – его звали Валя – стоял в коридоре. И когда я вышла, он сказал: «Молодец, все здорово. Пошли в кино». И мы пошли в кино. Мама устроила обед, и мы вообще уверены были, что я поступила. Через неделю я получила открытку, что не прошла собеседование. Это был такой шок, что я решила поступать на вечернее отделение мехмата (физфак не имел вечернего отделения, только мехмат имел). Но тут уже мама меня почти на коленях умоляла, чтобы я не шла. И я, в конце концов, пошла в Институт востоковедения.

На лыжах

М.Р.: А на какое отделение? Сразу на Индию пошли?

М.С.: Ну тут тоже сработал фактор моего пола – правда, я это все осознала позже, до определенного возраста я думала, что у нас никакой дискриминации нет, и всегда говорила «Нет, нет, нет». Знаете, как говорят: «секса нет», – вот и я говорила, что у нас дискриминации нет. На самом деле была – я хотела поступить на индийское отделение, на язык хинди. Потому, что это был основной язык страны. Но поскольку я была девочка, то меня на хинди как раз и не приняли, а дали мне язык урду, хотя это язык мусульман Индии. Так я оказалась на индийском отделении в группе урду.

М.Р.: А много девочек было у вас?

М.С.: На первом курсе в индийской группе нас было четыре человека. Знаете, что с нами сделали? После первого курса институт расформировали. Это старейший институт, который был основан еще Лазаревым, между прочим, он был основан до революции для интеллигенции армянской диаспоры. Институт этот был заслуженный, с традициями... И вдруг, когда я кончила первый курс, осенью прихожу и выясняется, что институт расформировали, решив, что востоковеды не нужны стране. Можете себе представить, что востоковеды не нужны стране? И, хотя, в группе я была единственной отличницей, меня тоже отчислили. Родители тогда никаких ходов не имели, но так получилось, что у меня уже были товарищи со старших курсов, а они были в парткоме. Они за меня вступились – Кондрашов такой был. Меня, в конце концов, взяли в МГИМО, так что когда я перешла на восточный факультет в МГИМО на втором курсе, 30% студентов оставили в МГИМО, а остальным сказали: идите в любой вуз, вас без экзаменов примут. Но люди теряли столько лет учебы, так что это была большая травма. Когда я перешла в МГИМО, здесь на индийском отделении было пятнадцать человек, из них я одна была девочкой. Так что я в мужском коллективе воспитывалась, но у нас очень хорошие ребята были.

М.Р.: Вы такая красивая женщина, как к вам мужчины относились? Наверное, опекали?

М.С.: Ну какие «мужчины» – это же мальчики!

М.Р.: Ну «мальчики» – не важно.

М.С.: Хорошо относились. Стихи писали, все хорошо было. У нас еще было много иностранцев из соцстран.

М.Р.: По обмену приезжали?

М.С.: Нет. Тогда такого не было, как обмен. Я не знаю, как это делалось: на государственном уровне они поступали в Институт международных отношений. Их много было – из всех соцстран. Уже на втором курсе я стала членом комитета комсомола всего Института. Тоже одна была девочка из всех. И мне почему-то поручили отвечать за работу с иностранцами. Поэтому я опекала всех этих немцев, чехов, поляков. Больше всего я любила, честно говоря, ребят из Чехословакии, особенно словаков, они так красиво пели. У нас были веселые вечера... Правда, мне попало однажды. Хрущев был уже, была оттепель, и все-таки... У меня в группе был замечательный мальчик из Сызрани – Калыгин Витя, который тоже был отличником, очень способный и он играл на саксофоне. Тогда это считалось большим грехом – буржуазное влияние. Однажды я прихожу в Институт, а на стенной газете написано... я потом вспомню формулировку, ну в общем, что я проявила небдительность, мол, я в комсомоле, руководитель, а у меня в группе мальчик играет на саксофоне. А! «В обстановке политической близорукости» – вот как называлась статья (*смеются*). Ну, ничего. Хорошо учились. Было весело, интересно.

М.Р.: А куда-то на стажировки вас посылали от института?

М.С.: Тогда это широко не практиковалось... Но мы считались, действительно, в полном смысле этого слова, вузом при Министерстве иностранных дел. Поэтому на пятом курсе – мы шесть лет учились – полагалась стажировка за границей. И вот, представьте себе, хотя я была несколько лет секретарем комсомольской организации всего курса – восточного, и была круглой отличницей, и висела на доске почета, тем не менее, когда стали посылать за границу, меня сначала не послали. Я вам говорю, была дискриминация. Послали троичников, но они были мальчиками и попали. Кто-то за меня опять вступился – по-моему, ректор – ректор был Рыженко, который потом меня в Институт философии направил. Даже при распределении я, конечно, тоже была дискриминирована. Так я попала в Индию. И я четыре с половиной месяца с мальчиками была там. Нас восемь человек тогда из пятнадцати было направлено в Индию. Мы при посольстве проходили стажировку. То есть не в университете, а при посольстве, но общались с индийцами мы много. Я преподавала даже русский в обществе индо-советской дружбы. Очень теплые отношения были, я усиленно крепила эти отношения, считала, что дружбу надо укреплять. Я ходила в гости ко всем. Посещала с ними их мандиры – это храмы или гурдвары – это у сикхов. Но потом за это тоже пострадала, потому что кто-то на меня донес (кто-то из посольских работников), что я слишком легко иду на контакты с иностранцами. (*Смеется*). Потом это обвинение сняли, кажется, – но где-то оно, может быть, лежит. Так что за детскую, юношескую непосредственность пришлось расплачиваться.

М.Р.: А скажите, после института было распределение?

М.С.: Да. У нас была Государственная комиссия по распределению, и поскольку я была девочка, меня в МИД не взяли, естественно. А я не хотела идти в аспирантуру. Мне предложили три аспирантуры МГИМО: по индийской литературе (нынешний академик Челышев был у меня научным руководителем диплома и курсовой), по экономике Индии (тоже замечательный профессор, он жив до сих пор – Медовой), или по истории – там тоже очень хорошая была преподаватель, у которой я писала курсовую по Ганди, которая была лучшей студенческой работой того времени... Но я устала учиться и после Индии мне обязательно хотелось вернуться в Индию – вот такое было очарование этой страной. Покорила она меня многим и хотелось вернуться. Но ничего такого не получилось. О МИДе вообще не могла идти речь. Я хотела устроиться на работу в Союз обществ дружбы – но меня туда тоже не взяли – по той же причине. И уже в Комитете молодежных организаций, где меня знали, поскольку я помогала с переводами, на самом высшем этапе, когда я проходила в ЦК ВЛКСМ – там меня принимали – мне опять сказали, мол, нет, девочка, все же. И я оказалась в таком положении: мне предложили три места (Радиокомитет, КГБ и Институт философии). Я не пошла ни в КГБ на собеседование, ни на радио. В КГБ я не

пошла по своим соображениям, не буду сейчас рассказывать, но я не пошла. На радио я не пошла потому, что у меня уже был опыт: я года три-четыре подрабатывала, потому что у меня был хороший урду. Такой, что меня приглашали работать диктором – учиться на диктора. Но я поняла, что это суетная работа – это невозможно было. И я пришла в слезах к ректору – а ректор у нас был Рыженко. Он преподавал марксизм – заведовал кафедрой марксизма-ленинизма. Очень симпатичный человек, умница большая. Он мне сказал: «Мара, ты не представляешь, что такое Институт философии, туда мечтают попасть с факультета». А у нас стали два выпуска подряд (до меня и еще один) брать туда востоковедов. Мы не очень понимали, почему берут, а оказывается, брали для того, чтобы создать сектор восточной философии. Ректор сказал мне: «Иди туда, ты не пожалеешь. А если тебе не понравится, можешь в сентябре-октябре вернуться, поступить к нам в аспирантуру или будешь даже язык преподавать». И я пришла сюда с 1 сентября 1959 г., а в конце сентября – звонок из ректората от него (он был очень внимательным человеком). Тебя Рыженко вызывает. Я прихожу, и он спрашивает: «Ну как, Мара, дела?» Я ему: «Ой, такой институт!» «Ну, может быть, ты к нам все-таки вернешься?» Я говорю: «Нет». Я только согласилась на некоторое время преподавать урду. Замечательные были студенты. А здесь я сразу окунулась в философскую атмосферу... Тогда замечательный был набор людей.

М.Р.: Одна молодежь?

М.С.: Пока я первый год работала сектора восточной философии еще не было, а был сектор информации. Это на пятом этаже такая большая комната, по-моему, это теперь зал Ученого Совета или что-то вроде этого. И мы там сидели – наверное, тридцать, если не больше, человек – просто стол к столу, не пройти. Три, по-моему, ряда было с небольшими проходами. И слева от меня плечом к плечу сидел Олег Дробницкий, а сзади через стол сидела Нина Юлина и так далее. Это были замечательные люди – Садовский Вадим... Моя настоящая философская школа началась, конечно, только здесь. Год мы были вместе, потом образовался сектор востока, но все равно я продолжала дружить с теми, кто был в этой комнате.

М.Р.: Но вы же не были философом по образованию...

М.С.: Я это философское образование только здесь и стала обретать. Я поступила в заочную аспирантуру.

М.Р.: Здесь же?

М.С.: Да. Я не поступала в очную аспирантуру, поскольку я работала в секторе научной информации, меня посадили, прежде всего, на переводы философских текстов. Даже не философских: первое, что я делала, это были тексты социологического конгресса какого-то. Честно говоря, у меня был хороший английский, но когда я переводила, мне все были понятны слова, но смысла я совершенно не понимала. Смысла не было для меня. Почему? Потому, что я еще ничего не знала. И когда спустя, буквально, года два, я прочла эти же самые свои рефераты, оказывается, смысл был. Я стала готовиться, ходить на лекции. Фактически меня готовил к сдаче кандидатского минимума по истории философии мой друг – Вадим Садовский. Я ему английский преподавала, а он мне историю философии... Так я сдала минимум. Я, вроде, хорошие оценки получила, кроме диамата. Потому что Архипцев – зам. директора, я ему сдавала экзамен, и у меня в билете один вопрос был «Материя и движение». Я читала-читала, ничего не могла понять. Какой-то язык непонятный в этих учебниках был. Ну, невозможный, нечеловеческий. Говорить таким языком я не могла. И на экзамене, когда я получила билет, сразу сказала: «Я не могу на этот вопрос ответить». Он говорит: «Почему? Ты не готовилась?» Я говорю: «Нет, готовилась». «А в чем дело?» «Я ничего не поняла». «Ну не надо так говорить! На экзаменах так не говорят». Ну а что я буду говорить? Мне тройку поставили.

М.Р.: Понятно. Расскажите, какая атмосфера царил в Институте в то время.

М.С.: Понимаете... Тогда директором был академик Федосеев. Как вы понимаете, мы не общались, не тот уровень был. Какая там наверху обстановка была, я не знаю. Но думаю, что не очень симпатичная. По-разному бывало. Но это было время, когда из университета пришло много хороших людей, талантливых, интересных, по-настоящему влюбленных в философию. Я бы назвала тех, кто на меня оказал влияние:

Олег Дробницкий, Вадим Садовский, безусловно. Вадим меня брал в свою компанию. А в его компании были Юра Давыдов, Щедровицкий. Интересные все были люди. Потом, Нина Юлина, Артур Сагадеев, хотя он арабистом был, но тоже в этом секторе был. Также очень талантливый человек. В очереди, когда стояли и общались бесконечно, это были из сектора психологии – Андрей Брушлинский, Славская Ксана. Позже подключилась Неля Мотрошилова. Я с ней начала дружить, но дружба с этими людьми была более тесной, потому что, кроме того, что мы вместе начинали и вместе каждый день ходили обедать, кроме того, мы еще по воскресениям ездили кататься на лыжах. И кроме этого мы еще и в агитпоходы ездили вместе. В агитпоходы ездил Саша Зиновьев, Эвальд Ильенков. Вы представляете: благодаря Ильенкову я впервые услышала Вагнера. Тогда Вагнер был запрещенный композитор. Я помню, как мы почему-то оказались у него дома с Игорем Акчуриним, и он нам включил пленки (ужасная запись была), пленки с музыкой Вагнера. Такие вот запретные плоды были. Или, скажем, хотя я много читала, но «Бесов» не читала, а вся дискуссия о «Бесах» впервые состоялась в деревне, где мы на лыжах останавливались у тети Ньюши. Вот «мои университеты» в буквальном смысле этого слова. К сожалению, у меня не было наставника из числа научных руководителей, потому что научным руководителем у меня был назначен Михаил Трифонович Иовчук, который ничего, конечно, про Восток не знал, но поскольку он был членкор, он забирал себе аспирантов разных. Я вышла замуж в 61-м году, летом, а в 61-м в декабре уехала в Индию, к мужу. И он видимо решил, что раз я уехала – да еще его критиковали, что он берет аспирантов не по своему профилю – от меня стоит отказаться. Когда я вернулась, а я вернулась в 63-м году, весной, то выяснилось, что у меня нет научного руководителя. Но я, тем не менее, диссертацию написала и защитилась на две недели раньше срока. Но я по наивности, когда стала подавать диссертацию для обсуждения на секторе, меня спросили: «А кто у тебя научный руководитель?» А я наивно говорю: «Я без научного руководителя». Мне говорят: «Так же не бывает!» Тогда я обратилась к Сергею Николаевичу Григоряну, который был основателем нашего сектора – иранист – он, по-моему, не читал диссертацию, но как-то поверил, что я все правильно написала, в общем, поставил свое имя, так я и защитилась.

М.Р.: А какая тема была у вашей диссертации?

М.С.: Кандидатской? Я не помню. Она почему-то считалась закрытой... А, кажется она называлась «Мусульманские концепции «среднего пути» развития», на материалах Пакистана. А вот докторскую диссертацию я помню – она была уже открытой и называлась «Мусульманские концепции в философии и политике XIX-XX в.». Тут уже были сложности при защите.

М.Р.: В связи с чем?

В Индии

М.С.: Причины исключительно идеологические. Я сама не выходила на защиту. У меня к этому времени было опубликовано две книжки, причем первая, написанная на базе кандидатской, уже имела два английских издания – в Индии и Пакистане. Потом я сделала одну книгу небольшую по Индии. Третья – была рукопись, представленная как книга. Во время обсуждения на секторе Сергей Николаевич Григорян сказал: «Это же уже готовая докторская диссертация». У меня уже было много публикаций. Он сказал: «Давай, дорабатывай и представь ее». Я ее представила, и когда было обсуждение – у меня есть его запись, я сама ее делала – старшее поколение, которое возглавлял... не буду сейчас называть... ну, ладно, Николай Герасимович Сенин, он прямо сказал: «Работа проведена большая, интересная, но она не может быть защищена как докторская». Было две основных причины: первая – то, что ислам, это религия, которая не имеет уже значения (почти как у Гегеля, что «ислам ушел с исторической арены»), и кому это интересно, это не актуально; вторая – что не было проявлено идеологической зрелости, потому что нет упоминания цитаты из Маркса: «Религия – опиум для народа», и эта линия не прописана. Потом разгорелась горячая дискуссия, меня поддержало среднее поколение: Артур Сагадеев, Евгения Антоновна Фролова, Борис Ерасов, и прежде всего Сергей Николаевич Григорян. Поэтому диссертация была представлена к защите. Дальше надо было обеспечить, чтобы ее не зарубили во время защиты. Здесь поддержал Институт востоковедения, тогда академик Гафуров был его директором, очень авторитетный. Я к нему пошла, Бабаджан Гафурович меня знал, он дал прекрасный отзыв. В общем, защита прошла нормально.

М.Р.: А вы ездили на международные конференции в то время?

М.С.: Я довольно рано начала ездить. Первая моя поездка на философский форум была в 61-м году. Это был философский конгресс в Пакистане. Дело в том, что в Пакистане, после отделения от Индии, сохранилась организация под названием Пакистанский философский конгресс, который собирался ежегодно. Они пригласили делегацию от нас, которую возглавляла Екатерина Васильевна Шорохова – она психолог, была замдиректора института и в состав входил Семенов Вадим – главный редактор

«Вопросов философии». Меня взяли как пакистанолога, как переводчицу. Я делала доклад «Концепция идеала в марксизме», что-то вроде этого. И делала я его на языке урду, потому что по-английски тогда говорила плохо. Успех был обеспечен не содержанием, а тем, что я выступала на урду. В результате я получила два ящика книг в подарок – все на урду – и в придачу любовь президента Конгресса – очень авторитетного и большого философа Муххамеда Маян Шарифа. Он был ответственным редактором энциклопедии мусульманской философии. Такова была первая поездка. А потом уже... В тот же год летом я была в США – это был не конгресс, а семинар с квакерами. От Института поехало три человека: Лев Митрохин, Геннадий Слесарев и я. Тоже была интересная школа. Из международных философских конгрессов мой первый был Брайтон. Но он мне не понравился. После этого не хотелось на конгрессы ездить – это ведь очень большие сборища. Поэтому я предпочитала малые формы – симпозиумы, семинары. Самой значительной в моей жизни была Конференция философов Востока и Запада («East-West Philosophers Conference») на Гавайях в 89-м году. Это было большое событие. А уже потом началась вся линия компаративистики и у меня лично, и в секторе.

М.Р.: То есть, вы просто подхватили волну, которая в мире шла...

М.С.: Я, когда туда ехала, не очень представляла, я просто получила приглашение... не личное. Первый раз за семь конференций гавайские компаративисты решили пригласить кого-то из Советского Союза. Было послано приглашение на имя директора Института. Директором тогда был Лапин Николай Иванович. И Николай Иванович меня вызвал и сказал: «Вам, Мара, как заведующему сектором, надо ехать». Я и поехала. У меня был частный доклад на секции «Концепция совершенного человека (аль-инсан аль-камил) – сравнение Икбала и Руми». Частная совершенно тема. Но мне повезло, потому что на этой конференции, которая длилась две недели, была совершенно потрясающая плеяда выдающихся современных философов: Рорти, Патнэм, Бернштейн, Дебипрасад Чаттопадхья, Агнесса Эллер, Светозар Стоянович и т.д. Это были такие выдающиеся люди! Некоторые из них еще живы, но большинство ушло из жизни. Я не знаю, как это получилось, но я с этими людьми подружилась – вернее, это была инициатива с их стороны, наверное, потому, что я была первой из Советского Союза. Теплое отношение исходило, прежде всего, со стороны Агнессы Эллер знаменитого этика из Венгрии, тогда она считалась ревизионистом и фактически эмигранткой. Сейчас она вернулась. Она академик в Венгрии. Агнесса понимала многие мои проблемы и опекала меня. Трогательно было то, что когда я выступала на частной секции (это ведь не пленарное было заседание), все эти знаменитости пришли на мое выступление. Я не думаю, что оно так уж им понравилось. Это было желание поддержать. И более того, они организовали в тот же вечер, после заседания, ужин. Как они его нашли, я не знаю, но это был ресторан восточно-европейской кухни, где музыкант играл на гармонике что-то типа немецкой музыки, и мы там замечательно провели время. После этого поддерживали связи, и благодаря этим контактам к нам потом приехал – Рорти, Светозар Стоянович. А через два года как-то неожиданно я получила предложение возглавить следующую Конференцию, стать директором-президентом следующей конференции. И, конечно, я очень многому там научилась: были ведь интереснейшие доклады, интереснейшие материалы. Я окунулась в компаративистский дискурс и продолжаю, по-моему, учиться этому до сих пор. А потом я этот интерес передала и своим коллегам.

М.Р.: У вас же, наверное, были какие-то зачатки увлечения компаративизмом.

М.С.: На самом деле, несмотря на то, что в России был Щербатской, и должно было быть какое-то продолжение, этого продолжения не было. То есть, конечно, когда мы писали, мы в какой-то степени сопоставляли восточную традицию с европейской, но все было достаточно поверхностно. А вот под влиянием и под впечатлением от той конференции, вернувшись, я предложила провести небольшие симпозиумы или конференции компаративного плана. Первая была «Бог-Человек-Общество в традиционных культурах Востока». Это, по-моему, было в 91-м году. Она была совместной с французскими специалистами. Из французов там был Франсуа Жульен – знаменитый синолог, как вы знаете; Мишель Юлен, который потом стал мужем Вики Лысенко; Шудкевич, занимавшийся исламом; японист... в общем, пять человек. И двоих я пригласила с Гавай – это были Роджер Эймс и Элиот Дойч. Позже по их инициативе – гавайской – была проведена региональная конференция компаративистов. Тема была задана ими – «Феминизм: Восток, Запад, Россия». Так появилась

вон та книжка (*показывает на выставку книг, изданных сектором*). В один год мы провели два таких симпозиума... То была первая прививка компаративизма... Мы, конечно, тоже готовились к выступлениям, делали доклады. Это было очень интересно. Тогда же родилась идея создать серию. Нашу инициативу, к счастью, поддержал директор – Вячеслав Семенович Степин. Так стала издаваться академическая серия «Сравнительная философия». Три книжки вышли, сейчас четвертая идет. А потом уже мы начали свои конференции проводить – Московские международные конференции по сравнительной философии. Так что можно сказать, что, несмотря на то, что сравнительная философия развивается в разных странах, институционально она, кроме Гавай, оформлена только у нас. У нас были свои конференции, есть своя серия. Сейчас это даже одно из основных направлений деятельности нашего сектора. Я думаю, что это направление имеет большое будущее.

М.Р.: А каковы вообще перспективы востоковедения?

М.С.: Востоковедения?

М.Р.: Восточной философии...

М.С.: Я думаю, что сейчас в международном контексте созданы все условия для его развития. Это в международном плане, про нас я потом скажу. Почему? Потому что во второй половине XX в. принципиально начинает меняться отношение к восточным философским традициям на Западе. Вы прекрасно знаете, что там до конца прошлого века фактически доминировал европоцентризм (который и до сих пор доминирует). Европоцентризм не просто считает восточные философские традиции ниже по своему уровню, чем западные, но самое ужасное, что Восток вообще отлучался от философии, утверждалось, что на Востоке философии нет. Тут есть много факторов, почему это произошло: политический, идеологический – игравшие роль, при встрече Запада и Востока. Они были необходимы Западу для обоснования своей идейной, духовной доминантности на Востоке. Но отчасти это было и потому, что восточное наследие недостаточно знали. Ну и третье, что это было нечто незнакомое, непонятное, как говорил Гегель, когда писал о литературе, о поэзии: как прекрасна восточная поэзия, но как далека она от нашей. Мы себя чувствуем уютно у греков. Уютность, удобность, которую ощущал человек западной культуры при встрече с идеями, прописанными в традициях Запада, понятна. Но когда он сталкивался с традициями Востока, это или вызывало отторжение или непомерный романтизм и идеализацию. Отторжение оказалось, конечно, доминантным. Наиболее последовательно и четко оно было выражено Гегелем. Конечно, вы знаете его лекции по истории философии, он говорит, что мы наблюдаем зарождение философии на Востоке, но это только зарождение, только зачатки, поэтому нет смысла говорить о восточной философии в общей истории философии. Он, правда, в конце концов, пишет немного про Индию, про Китай, но это именно «немного» и только на ранних этапах – о древности, а дальше ее нет. У Гегеля была аргументация, почему он исключал Восток из истории философии, почему он считал, что там не было философии. Три основных аргумента: первое – философия не выделилась из религии; второе – она не выделилась из мифологии; третье – на Востоке не было свободы. А философия может развиваться только там, где есть свобода. По каждому тезису можно высказать опровержение и объяснение, почему это неприемлемо. Этой линии противостоял европейский романтизм французских просветителей, которые воспринимали все, что было связано с Китаем, очень восторженно. Или немецких скажем, в лице Шеллинга и Шопенгауэра, которые считали, что философия вообще, Запад обязан философии только Упанишадам. Так что была и другая крайность. Но надо сказать, что европоцентристская линия – именно Гегеля, именно немецкой школы – оказала неизгладимое влияние на развитие историко-философской мысли в нашей стране. Это объяснимо. Вы знаете, что философские факультеты открылись благодаря тому совету, который Лейбниц, в свое время, дал Петру I. Вы знаете, что профессура у нас была в основном немецкой на философском факультете. Так что это было естественно. Мне попался двухтомник по истории философии, который, видимо, был учебником дореволюционным. Это перевод с немецкого языка, и в нем есть разделы по Востоку. Там Восток подан уничижительно, я могла бы привести эти характеристики (я их помню). Уничижительные оценки, хотя написаны разделы специалистами. Но это были западные специалисты. Данная линия продолжалась и в советской историко-философской литературе. Затем, как я, и мои коллеги оказались в Институте философии, был создан сектор восточной философии, для того чтобы эту линию изменить и вписать

Восток и все незападные народы (латиноамериканцев, например) во всемирную историю философии. Это был период, когда готовилось второе издание «Истории философии». Мы все – молодые – были подключены к этому изданию. Это должна была быть история всех народов. Все наши республики должны были быть представлены там. Но на самом деле благое начинание все равно преломилось в том же духе, т.е. подана «История философии» была с европоцентристских позиций. Но это был наш европоцентризм, окрашенный марксизмом-ленинизмом. Мы подавали незападные философии, но подавали неадекватно. Мы описывали их как проявление борьбы двух линий – материализма и идеализма; рационализма и иррационализма. Вот как подавалась история. Поэтому в разделе по Индии больше всего материала (четыре страницы) было уделено чарвакам-локаятикам – материалистам. Но о чарваках-локаятиках нет даже достоверных знаний. Нет литературы. О них говорится только в более поздней полемике, а так – все оригинальные тексты были уничтожены. Даже трудно сказать, существовали они или нет. Веданта, буддизм – все это дается с сугубо отрицательными характеристиками. Если говорится, скажем, о мусульманской философской традиции, то конечно там нет даже упоминаний ни о каламе, ни о суфизме, там речь идет только о фальсафа – то есть о восточных перипатетиках, представленных как материалисты и рационалисты. А ведь, они не были ни материалистами, ни атеистами. Но все-таки это был некий шаг навстречу более адекватному, более справедливому к восточным философским традициям отношению. Потому, что занимаясь этим, мы все постепенно окунались в традицию, и что-то у нас в голове прояснялось. А когда были сняты идеологические шоры, мы могли уже заниматься этим серьезно. Но фактически, даже когда я стала заведующей сектором (в 1980 году), хотя времени прошло много, и ситуация должна была измениться, я помню, что меня вызывали в дирекцию и делали замечания по поводу того, что я хочу «протащить» историко-философскую тематику, а должна заниматься тем, что надо. А что надо? Надо изучать революционно-демократическую традицию на Востоке и особенно некапиталистический путь развития. Наши занятия были односторонними. Сейчас мы тоже немного однобоки в том смысле, что мы ушли в классику. И это замечательно, потому что она раньше глубоко не изучалась. Благодаря работе наших коллег мы теперь имеем серьезные переводы, комментарии, исследования, но мы все-таки не должны забывать, что эта мысль живая, поэтому внимание к современному состоянию философской мысли на Востоке необходимо. Ее надо вписывать в контекст современности. Эта работа должна идти параллельно... Благоприятная в мире обстановка для изучения Востока сложилась потому, что всему миру, и Западу прежде всего, становится очевидным, что к Востоку можно относиться высокомерно, но все-таки надо понимать, что он существует. И надо признавать, что у него есть все перспективы на большое будущее. То есть то, что сегодня называется глобализацией, конечно, заставляет не только политические, но и академические круги, университетскую среду постепенно меняться и обращать внимание на Восток. Поэтому повсюду растет число людей, интересующихся восточной философией и занимающихся этим серьезно. Сама компаративистика на Западе тоже пережила большую эволюцию, и на сегодняшний день, видно, что нарастает тенденция к более углубленному изучению восточных философских традиций и к тому, что мы сегодня называем не «сравнительной философией», а межкультурной философией. То есть компаративистика, которая должна вести к взаимодействию традиций, к взаимному обогащению в решении проблем – не просто идеологических, но и философских. Что касается нашей страны, то я думаю, что у нас пока эти сдвиги происходят очень медленно, к сожалению, очень медленно. Вы посмотрите: такого центра как у нас, фактически нигде нет. Есть, правда, Университет дружбы народов, где занимаются Востоком, есть РГГУ, но скажем в МГУ, если Вы возьмете их последний учебник по истории философии, там опять же, все по Гегелю: о Востоке сказано, конечно, уже больше и лучше, чем у Гегеля, но это вначале, в древности, а дальше Востока нет! Как будто не было средневековья, как будто не было современности, понимаете. Поэтому философов-востоковедов там практически не готовят. Если в таком замечательном учреждении как МГУ, на философском факультете, нет такой подготовки, то это отражает общую ситуацию в стране. Да и у нас единицы специалистов. К счастью, наши студенты проявляют большой интерес. Но для того, чтобы этот интерес реализовался, (в плане того, чтобы они шли в аспирантуру, защищали диссертации) нужно создавать стимулы, потому что стать специалистом по китайской философии – как стали вы, или как Стас Рыков стал – ведь это нужна какая самоотверженность! Необходимо понимать, как много придется работать, что ты должен прилагать огромные усилия, от тебя ожидается огромный труд, а возмещения – материальные, ведь они должны быть не только духовными, но хоть какая-то компенсация должна быть,

чтобы человек мог прожить, семья его, – вот этого пока еще нет. Это очень затрудняет подготовку кадров. Нет также достаточного количества единиц для принятия на работу. Правда, администрация идет нам на встречу, нас понимают и поддерживают. Но все равно... все равно, сложно пока. Тем не менее, я думаю, будущее есть. Особенно, судя по последним всемирным философским конгрессам – эта тенденция быстро набирает силу. На последнем конгрессе, состоявшемся в Корее, был специальный доклад Энрике Дюсселя – латиноамериканца, который прямо говорил, что XXI век – это век конца доминирования западной философии. Век, когда будет осознана ценность философских традиций других народов и прежде всего, конечно, восточных. Думаю, все впереди. Так что обязательно занимайтесь этим как следует.

М.Р.: Вы упомянули Государственный академический университет гуманитарных наук...

М.С.: Какой?

М.Р.: Наш ГАУГН, в котором учатся студенты – и философы, и политологи, есть интересующиеся Востоком. Насколько они действительно интересуются Востоком и хотят пойти в науку? Есть ли такие, много ли их или это просто романтизация Востока?

М.С.: Вы знаете, я думаю очень важно, что мы ввели как обязательный предмет – обязательный, а не факультативный – хотя бы вводный курс по восточной философии. Все-таки нам дают шестьдесят часов на вводный курс. Это очень важно не потому, что мы надеемся, что все студенты потом станут востоковедами. Это важно для их общего образования. Какие-то семена мы в их головки закладываем, это видно по их интересу к лекциям, к семинарам. Все-таки, когда они вырастут, не важно, чем они будут заниматься, неважно, пойдут ли они в философию или в политику или еще что-то они будут делать, они будут помнить, что кроме Запада, есть Восток. Это еще необходимо для России. России надо осознавать, что есть Восток, что есть другие миры, и с ними надо считаться, у них надо чему-то учиться. Потом, представляя такой вводный курс, мы создаем благоприятную возможность для тех, кто хочет больше узнать и пойти к нам на специализацию. Те, кто приходят к нам, имеют возможность изучать языки – санскрит, персидский, китайский (на востоковедческом отделении – арабский), слушать спецкурсы, писать курсовые работы. Дальше уже зависит от них – хотят они дальше идти или нет. Некоторые делают дипломы и тогда идут в аспирантуру. Не все аспирантуру заканчивают и защищаются. У меня было несколько хороших девочек, которые писали диссертации и имели публикации, и уже могли выйти на защиту, но потом обстоятельства чисто материальные, которые все нарушали, они бросали. И я, в общем-то, их понимаю – людям надо выжить, не всем могут помочь родители. Я обычно спрашиваю: «А как к этому в вашей семье относятся?» Потому, что без помощи старших, молодому человеку в нашей области очень трудно встать на ноги – он быстро не может встать на ноги. Должен пройти десяток лет. Но я думаю, что все-таки начало положено. Даже тот факт, что у нас сейчас в секторе трое молодых сотрудников (из них два выпускника нашего Университета), и на сегодня еще есть специализирующиеся студенты, говорит о том, что будущее у нас есть... Но мы реалисты, мы понимаем, что в нашу область не могут сразу идти десятки людей, для этого еще требуется внутренняя, ментальная расположенность к подобным занятиям. Я уверена, что если мы будем продолжать эту линию, то мы будем соответствующим образом готовить и кадры.

М.Р.: Скажите, есть связи с зарубежными коллегами, чтобы посылать студентов на стажировки? Ездят ли они? Куда?

М.С.: Это сложно. Это можно было бы наладить – но сложно, потому что с нашей стороны нет возможности принять. Мы не можем наладить обмен, если у нас нет материальной базы для принятия на учебу или стажировку иностранцев. Вот в чем дело. У Университета есть такие возможности, МГУ я имею в виду. А у нас этого еще нет. Поскольку мы еще очень молодой университет. Но мы все-таки посылали студентов в Иран. Хотя в последние годы такой возможности больше нет. Гавайский университет просил меня несколько раз, чтобы к ним приехали наши студенты или аспиранты, но кто ж будет оплачивать их проезд, пребывание? Они готовы учить, но все остальное должна оплачивать направляющая сторона. Это должно решаться на уровне руководства Университета. Но сейчас такая экономическая ситуация, что решать

такие вопросы сложно. Сложно вообще для науки в целом, а для такого молодого учебного заведения как наше – особенно. Надо думать над этим. Студенты должны как-то оказывать давление и на преподавательский состав и, особенно, на ректорат своими предложениями и даже требованиями, чтобы обмен был налажен. А иначе все останется частной инициативой – редким случаем...

На конференции

М.Р.: Мариэтта Тиграновна, как вы считаете, какую роль вообще философия играет в современном обществе, в России, в мире? Какое она место занимает, нужна ли она вообще обществу России и миру в целом?

М.С.: *(усмехнувшись)* Вопрос «нужна ли философия в обществе» мог возникнуть только в наше время. Потому что, скажем, в период античности этот вопрос был бы просто невозможен. Всем было совершенно ясно, что философия необходима. В Средние века, особенно на мусульманском Востоке она рассматривалась как наука наук, царица наук. Это понимали. А сегодня понятно, почему этот вопрос задается: есть определенный срез общества, к сожалению связанный с властной элитой – властной благодаря своим материальным возможностям, которая не понимает, не осознает значимости не только философии, но и вообще гуманитарных наук и гуманитарного знания. Общество и общественное сознание стало слишком утилитарным. Мы говорим о том, что это общество потребления, а общество потребления, соответственно, воспитывает такое сознание у людей, когда все усилия направлены на то, чтобы получить как можно больше средств, которые бы обеспечивали безудержное потребление. Надо сказать, что эта тенденция, к сожалению, сегодня наблюдается по всему миру, особенно в том мире, который мы называем «развитым» – на Западе. Откуда я это знаю? Дело в том, что я вот уже десять лет являюсь членом исполкома Международной федерации философских обществ. Это международная организация, которая объединяет все философские общества мира. Последние пять лет я была ее первым вице-президентом. И благодаря этому, я в курсе какие нам поступают письма от философских факультетов, отделений, от групп философов из разных стран. Так вот с Запада мы все время получаем сигналы о том, что закрываются факультеты, сокращаются кафедры. Причем, это в таких странах, как Англия, США, Германия и т.д. Самый поразивший меня момент связан с поездкой на сессию Генеральной ассамблеи ЮНЕСКО (года четыре тому назад), когда решался вопрос о приоритетах в социальной политике ЮНЕСКО и приоритетах в гуманитарной области. С самого основания своего ЮНЕСКО считалось международной организацией, которая должна содействовать развитию культуры, науки, философии. Философия считалась приоритетной областью благодаря манифесту, который в свое время Поль Сартр и другие интеллектуалы подписывали. И вдруг ставится вопрос об исключении философии из приоритетных

областей ЮНЕСКО. Чем заменить? Три области: бедность – это понятно, расизм и гендерные проблемы. Это считается наиболее приоритетным. То есть абсолютная политизация, прагматизм и т.д. И вот когда было обсуждение этого предложения на генеральной ассамблее, за исключение философии из приоритетных областей ЮНЕСКО выступали западные – Север Европы в основном – страны: Скандинавия, Великобритания... Я была просто потрясена. А кто был за то, чтобы это оставить? Азиаты, латиноамериканцы, африканцы и т.д. Они это понимают, а эти – не понимают. Тогда удалось это сохранить, тогда заместителем генерального директора ЮНЕСКО, который приезжал к нам на Всемирный день философии, [Пьер Сане], дал серьезное обоснование необходимости сохранения приоритетности за философией. Однако на последней Генеральной ассамблее противникам философии удалось одержать победу. Теперь наступление идет не только против философии, а вообще против гуманитарных наук. И гуманитарные науки «слиты» со всеми другими науками. А «слились» – это значит, что на них средств не будет хватать, средства все время будут уходить в негуманитарные области... Та же тенденция наблюдается и в нашей Академии наук. Эта тенденция мировая и очень губительная. Почему губительная, как я это понимаю? Ведь философия необходима... Можно сказать, в ней нуждается человек как таковой, как личность, и в ней нуждается общество. Почему человек нуждается? Не зависимо от того, чем он занимается, у него есть проблемы экзистенциального плана – о смысле жизни, о том, что есть добро и зло. Есть, конечно, религия, которая на это отвечает, но философия по-своему на эти вопросы отвечает. Светский ответ дает. Философия необходима человеку для того, чтобы он сохранил душу, совесть, духовность – без этого невозможно, без этого он становится роботом, становится таким как все, создается усредненный человек, все становятся Шариковыми. Для внутреннего развития человека нужна культура в целом и философия в частности. А может быть, даже в особенности – для более углубленного личного развития. Почему она нужна обществу? Потому что общество живо не только экономикой, военной мощью и т.д. Оно живо тем, что людей этого сообщества объединяет. Объединяет культура, объединяет духовность. Утрать их, и ты утратишь целостность. Сейчас ставится вопрос о будущем человечества и есть несколько сценариев, вы знаете их, наверное. Прогнозирующих организация в мире много, но есть такой сильный научный проект прогнозов, штаб-квартира которого находится в США, но они привлекают для составления прогнозов экспертов со всего мира. Они делают прогнозы на пять лет. Так вот прогнозы, которые у них были на 2015- 2020 года, состоят из четырех сценариев будущего. Первый – это тот, что Запад сохранит за собой главенствующую роль. Второй – вперед выйдут азиаты и прежде всего Китай и Индия. Третий – будущее за мусульманским халифатом. А четвертый – хаос и война. Последние прогнозы на первое место ставят азиатский сценарий. Это серьезная вещь, понимаете. Не надо этому противостоять, а надо осознавать, надо, чтобы каждая страна – в том числе и наша – понимала, что если она не хочет быть маргиналом, она должна вписаться в эту картину мира. Как она может вписаться? Нужна, конечно, модернизация для повышения нашего экономического потенциала, для улучшения уровня жизни людей; нужна военная мощь, для того чтобы обеспечить безопасность при наших границах. Но этого не достаточно, особенно для того, чтобы играть влиятельную роль в мире, этого недостаточно: нужна сила, которая была бы привлекательна для своего народа и его объединяла, и которая была бы привлекательна извне это то, что сегодня называется «soft power». «Soft power» – это комплекс идеалов, ценностей, который ты можешь предложить своему народу, и который этот народ объединит. Ты не можешь поднять людей на модернизацию, на прорыв, если ты говоришь только об утилитарном. Должен быть какой-то порыв. И этот порыв обеспечивается выдвинутыми идеалами. Кто это может дать? Это может дать культура, и прежде всего философия. То же самое для Китая и Индии, если они хотят стать лидерами, они должны осознать (я писала по этому поводу и потому я вам с интересом сама это рассказываю) им не достаточно только предоставить миру свою карту экономического роста и благосостояния. Они должны представить миру еще ценности, которые были бы привлекательны для мира. Что Европа нам представляла? Европа нам представляла идеал равенства, свободы и справедливости. Америка все время играла и играет на том, что она – форпост демократии, она защитница демократии по всему миру. Другое дело, правда это или нет, и насколько это правда... Но это – то, что привлекало и привлекает людей к этим странам. А что может предложить Китай? Что может предложить Индия? Что можем предложить мы? Вот китайцы об этом уже думают, об этой «soft power», о том, что они могут предложить. Они разрабатывают уже лет пятнадцать концепцию не китайских, а конфуцианских ценностей. Вы знаете, что есть такой профессор Ду Вэймин, который

сформулировал концепцию конфуцианских ценностей. Построена эта концепция, конечно, на традиционных ценностях, препарированных к современной ситуации. Индийцы, как ни странно, еще до сих пор толком не задумывались и только недавно начали об этом что-то говорить. А ведь Индии есть, что предложить миру, но она, к сожалению, этим не пользуется. Я полагаю, что гандистская теория и философия ненасилия, ненасилия на всех уровнях, не только на уровне политическом, но и экономическом, на уровне построения социума в целом и мировой цивилизации, могла бы быть невероятно привлекательной идеей. Но сами индийцы на время предали забвению гандизм, хотя он сыграл очень большую роль в обретении Индией независимости. И только вот сегодня они вдруг поняли, что у них есть ценность – неиссякаемая, которая может быть привлекательной, особенно учитывая то напряжение, противостояние, которое существует между различными народами, по национальному, религиозному, социальному признакам, учитывая экологические проблемы и так далее. Здесь гандизм из утопии, как его воспринимали многие, может вырасти в нечто гораздо большее. Ну, а Россия? Что мы можем? Ведь даже если мы будем экономически мощными и мощными в военном плане, обеспечивать свое верховенство в мире за счет вооружения мы уже явно не можем. Мы не можем обеспечить одновременно и то и другое. Чем мы могли бы быть привлекательными? Чем мы могли бы быть привлекательными для своих собственных людей? Как мы могли бы их объединить? Мы ищем сейчас национальную идею и не можем ее найти. Национальная идея на самом деле конструируется. Она конструируется элитой. Это может быть политическая элита, а может быть духовная. Вы знаете, в свое время, это была идея Третьего Рима, затем идея «православие, самодержавие, народность». Потом была коммунистическая идея. А сегодня что? Мы пока находимся в каком-то вакууме. Я думаю, что философия может и должна заниматься не только классикой, не только проблемами метафизического плана, проблемами сугубо философскими, но и проблемами, которые могли бы дать ответы и себе, и соотечественникам, и стране в целом, как найти свое место в этом мире. Это может быть найдено только при обращении к своей культуре, к истории своей страны. Это должно быть очень углубленное прочтение и литературы, и истории, и психологии... многое здесь, что надо учитывать. Но мне кажется, что мы, при формулировании своего пути развития, не должны забывать о том, что находимся в особом положении. И это особое положение на самом деле осложняет нашу ситуацию, но оно и выигрышно. Это положение между Западом и Востоком. В этом смысле мне очень созвучны слова Чаадаева, о том, что Россия должна опираться одним локтем на Запад (он имел в виду Германию), а вторым – на Восток (Китай). Что значит «опираться»? Я понимаю это так: не копировать полностью западное или восточное, а сохранять свою самобытность, при этом заимствуя все лучшее, что есть и у тех, и у других. Но оставаться самими собой. И тут возникает вопрос: а что значит, оставаться самим собой? Что такое вообще Россия? Что такое русская душа, метафизика русской культуры? На этот вопрос у нас пытаются ответить, но очень робко. А ведь это вопрос, на который философы должны отвечать. Это необходимо. Вот что это такое? Я сейчас, как ни странно, готовлю такой текст. Не знаю, смогу я его сделать или нет. Но мне предложили – для Всемирного философского конгресса подготовить доклад о метафизике русской культуры. Я никогда этим ранее не занималась. Но сама себе я вопросы ставила и искала ответы, в основном обращаясь к художественной литературе, потому что в России литература – это нечто особенное, это действительно зеркало нашей жизни, русской истории и русской души, русской культуры в целом. И мне кажется, что литература говорит нам о том, что положение между двумя мирами, создало особенность русской души и русской культуры, которая является метущейся, постоянно вопрошающей, неуверенной, желающей найти себя. Это такая всегда работающая совесть, всегда работающая душа. Может быть, в этом наша ценность. Почему всегда говорят об особости русской? Говорят, что это духовность. Я думаю, что это можно назвать иначе. Это постоянное обостренное вопрошание о том, что есть истина, каков должен быть наш путь? Эта неопределенность в какой-то степени оказывается даже положительной, потому что она не дает застояться. Когда есть определенные ответы, бывает застой. А когда есть неопределенность – это создает вольтовую дугу между полюсами, вот эту вольтовую дугу надо использовать. Я думаю, философы много чего здесь могли бы сделать и взаимодействие философов, которые знают западную традицию, знают восточные традиции и знают русскую традицию – совместная их работа была бы чрезвычайно полезна. Как это практически делать? Что можно практически сделать? Ну, что-то мы делаем, когда вводим в курс преподавания другие традиции – не только западные, когда мы уделяем больше внимания, скажем, русской философской мысли, общественной мысли. Но это надо

еще делать на уровне школьного даже образования. Сейчас предложен один очень интересный проект. Проект этот инициирован Мировым общественным форумом «Диалог цивилизаций», который имеет свой филиал в России, но штаб-квартира – в Вене. Основателем и председателем его является Якунин Владимир Иванович, а сопредседателями Фред Дальмейер из Нотр-Дамского университета Соединенных штатов и австриец Вальтер Шимель, который, по-моему, был Генеральным секретарем Европейского Союза или чего-то подобного. Они предложили нашему Институту (в частности, обратились ко мне) разработать концепцию создания Школ диалога культур. Мы ее разработали. Что значит «Школа диалога культур»? Мы планируем провести эксперимент (это пионерский проект), который может потом стать проектом, который будет распространен по российским школам и даже стать международным проектом. Воспитание молодого поколения таким образом, чтобы оно было готово к диалогу культур. К диалогу, который им нужен, в который им необходимо вступать. И потому, что в нашей стране население является многонациональным и многоконфессиональным, и потому, что мы теперь имеем очень высокий процент иммигрантов. Причем иммигрантов из Китая, Японии, Средней Азии и т.д. Это люди с другой культурой, другой религией. Вот как с ними вместе жить, чтобы не вступать в конфликт? Как жить и вступать в диалог с основными факторами на современной международной арене? Мы понимаем, что охватить все культуры во всем разнообразии мы не можем, поэтому мы решили, что для школьного курса (раз в неделю для девятого-десятого класса) мы должны дать школьникам хотя бы некоторое представление о ценностных основаниях следующих цивилизаций: Запада, с которым мы себя в значительной степени ассоциируем, китайской цивилизации, буддийской (почему не индийской, а буддийской, потому что «буддийская» – более широкое понятие) и исламской цивилизации. И, наконец, представить Россию в цивилизационном пространстве. Мы подготовили и провели курс лекций для преподавателей ресурсных школ РЖД. Поскольку это образовательные учреждения при РЖД, они могут вводить курсы, не санкционированные еще Министерством образования. Хорошо, что руководитель РЖД проявил к этому заинтересованность. Преподаватели с энтузиазмом восприняли нашу программу. Мы сейчас подготовили для них учебно-методическую программу на шесть авторских листов, которая к сентябрю уже будет опробована в нескольких школах РЖД, а мы со своей стороны будем готовить учебник и хрестоматию на базе этого материала. Такую хрестоматию, которая давала бы тексты и для учеников и для преподавателей. Хрестоматию с развернутыми комментариями и объяснениями. Причем каждая цивилизация представлена не в историческом плане, а в ценностном: какие ценности в той или иной культуре наиболее значимы; что может заявить о себе каждая из этих цивилизаций? Заключает пособие (я написала эту главу), она называется так: «Проблемное поле современного диалога культур». То есть какие ценности обсуждаются? Это ведь ценности, которые заданы Западом, которые представлены Западом в качестве универсальных. Это равенство, свобода, справедливость, демократия, рациональность, научность. И как с этим соотносятся ценности, которые есть в восточных культурах? Где они вступают в противоречие, где они могут быть комплиментарны? Мы сами этого еще до конца не понимаем. Я думаю, что это для нас тоже хорошее поле для работы. И если программа пойдет, то есть такой замысел – по крайней мере у Мирового фонда общественных наук в Вене (я последний раз была там в марте, на заседании международного координационного совета) – сделать нашу программу международной и сертифицировать школы, которые достойны того, как школы диалога культур. Вот это уже подготовка не только самих себя, но и подрастающего поколения к новой глобальной ситуации, где надо будет принимать во внимание не только одну доминирующую культуру, но и существование других культур. Я думаю, это очень интересно. И это могут сделать, прежде всего, философы. Потому что историки, преподаватели литературы могут ввести этот компонент в свои курсы, но сделать так, как могут философы – обратить внимание на фундаментальные ценности – не может больше никто. Что касается нашей страны – я думаю, что у нас в последнее время появилась тревожная тенденция игнорирования и непонимания значимости гуманитарных наук и особенно философии. Когда-то меня просили написать статью о преподавании философии в СССР. Это я делала для Гавайев, для журнала. Я тогда, анализируя наше прошлое обращала внимание и на плюсы, и на минусы. Я думаю, в нашем философском образовании и в образовании в целом была одна превосходная особенность – это то, что у нас философия считалась обязательным предметом для людей любой специальности. Другое дело – как мы ее преподавали. К сожалению, преподавали зачастую так, что это вызвало отторжение. Но сегодня наблюдается, как «с водой из корыта выбрасывают и дитя» – отторгают не те методы преподавания философии, которые

применялись в прошлом, а преподавание философии как обязательного предмета при сдаче кандидатского минимума, при получении технического образования. Ну это же невозможно. А это уже сделали в ВАКе частично, когда оставили предмет философии только как философию науки. А сейчас, кажется, стоит вопрос о полном ее исключении. Даже публично выступая, министр науки говорит о философии, как о чем-то и ненужном и даже негативном. Это недомыслие. Будет большим уроном для нашего общества и будущих поколений, если мы откажемся от того, что у нас было. Поэтому я думаю, что философия просто необходима для всех и во все времена.

М.Р.: Наверное, будет такая ситуация, когда общество, отказавшись от философии, отодвинув ее на задний план, будет жить, и будут накапливаться проблемы, накапливаться напряжения в ситуации отсутствия философии.

М.С.: А как?

М.Р.: Так или иначе сложится же ситуация, когда общество вернется к этому...

М.С.: Оно вернется опять же к философии.

М.Р.: Да.

М.С.: Но ведь оно потеряет время, оно потеряет поколения, оно потеряет школы. Произойдет разрыв традиции. Понимаете? Как было в Европе? Была Античность – с богатейшим философским наследием. А потом наступило «темное средневековье». И произошел разрыв с античной культурой, с античной традицией. И не было даже текстов. Все было предано забвению. И, между прочим, кому надо сказать спасибо, что все это вернулось?

М.Р.: Мусульманскому миру.

М.С.: Мусульманскому средневековью – классическому периоду, потому что они переводили перипатетиков, они передали это потом Европе. Это же утраченное время. Зачем? Такого не должно быть. И то же самое в странах Востока, они довольно часто утрачивают связь со своими традициями (был такой период), в частности философскими. В Индии, скажем, на философском факультете философию преподают только как Западную философию. Индийскую философию преподавали только на факультетах санскрита. Так было до недавнего времени. Сейчас такое положение дел немного меняется. Но что это значит? Это значит, что весь образ мысли становится смоделированным по образцу другого народа, имеющего другую культуру, другое прошлое, другую историю и т.д. Мы хотим все быть одинаковыми? Это невозможно. Значит, это будет копирование уродливое, оно приведет к тому, что и западные высокие ценности будут трансформированы и изуродованы, как мы в свое время изуродовали марксизм. А как уж изуродовали марксизм в Северной Корее я и не говорю. Или как это было искажено в маоизме. Вот что происходит.

М.Р.: Есть ли надежда на возрождение в ближайшее время философии?

М.С.: Я думаю, да. Другого выхода нет. Иначе мы все станем роботами. Или мы должны решить, что мы будем воспитывать людей без мозгов, у которых мозги будут направлены только на решение утилитарных целей. Но мы, по-моему, этим уже все сыты. Я думаю, что к этому заставит обратиться все: и нравственная ситуация, которая в мире создалась, и экологическая. Особенно экологическая – экология требует других подходов. Она требует того, чтобы не просто находили способы решения экологических проблем. Она требует иного отношения к природе и к потреблению. Не нужно человеку на самом деле столько, сколько он сегодня хочет. Жадность... И это при том, что так много людей в мире вообще ничего не имеет. Чрезмерная жадность в одних местах, и отсутствие всего даже самого необходимого в других, создает совершенно недопустимую ситуацию для выживания человечества в целом. И с этим придется столкнуться. Потому, что на самом деле этот век будет очень тяжелым. Это будет век столкновений – не обязательно чисто военных – но будет напряжение между благополучными и неблагополучными мирами. И это тоже надо будет как-то решать. Не знаю, интересно вам это или нет?

М.Р.: Интересно. Мариэтта Тиграновна, может быть, вы еще...

М.С.: Я думаю, нам, тем, кто занимается философией, надо заниматься своей конкретной философской проблематикой – это обязательно, ведь нужна профессиональная углубленность. Но, все-таки, всегда иметь еще в поле зрения как отзовутся твои занятия на обществе. Осознавать, что ты должен делать то, что полезно людям, понятно даже и могло бы играть воспитательную и направляющую роль для других. Поэтому к современным проблемам все равно надо обращаться и их все время иметь в виду. Я бы даже так сказала: когда мы занимаемся своей проблематикой, мы ее должны ставить в контекст современного дискурса. На Западе, между прочим, это умеют. Даже сугубо философские проблемы они могут вписать в мировой дискурс. Мы еще не достаточно этим овладели, но идем к этому. Во всяком случае, у нас в Институте, даже если зайти на сайт и посмотреть, какие у нас бывают конференции, метод-семинары, симпозиумы, видно, что у нас живая мысль, живая философия. Это положительная тенденция, которая набирает силу.

М.Р.: Может быть, вы для студентов, которые будут смотреть это интервью, и для молодого подрастающего поколения назовете персоналии, которые сейчас в философском мире работают, задаются и каким-то полезным образом отвечают на сложившиеся вопросы и проблемы?

М.С.: Я думаю, наши студенты уже это знают из курса, особенно по западной философии. Западные имена всем известны. Это разные философы, разные школы. Но, безусловно, они всем известны. Это, если говорить о XX веке, различные, но крупные фигуры, такие как Сартр, как Хабермас, как Рорти, как Патнэм, Рикер. Они различные, но в то же время, дающие объемную картину философствования, позволяющую найти то, что тебе созвучно, какие-то ответы на проблемы, тебя волнующие и общество в целом. Но, конечно, надо обращать внимание на то, что делается и на Востоке. Ведь на Востоке философия тоже жива. Она не осталась в древности, как думал Гегель и другие. Она развивалась в период Средневековья. Это правда, что она развивалась как комментаторская, как интерпретаторская по отношению к литературной традиции, связано это было с традиционностью общества в целом. Это культура, которая опиралась на традицию. Но опираться на традицию – это не значит воспринимать ее догматически. Это была интерпретация, но там было много и творческого. Возьмите, скажем, Китай. Было конфуцианство, был даосизм, пришел буддизм. Но все это синтезировалось, взаимодействовало – появилось неоконфуцианство, потом появилось новое конфуцианство. То есть это все не бесследно происходит. Или в Индии: был брахманизм, потом появились оппозиционные буддизм, джайнизм, полемика постоянная между ними. В результате, каждая из школ по-своему трансформировалась и так далее. Но все-таки, это, конечно, была опора только на свою традицию. В XIX веке что происходит? В XIX веке от встречи Запада и Востока происходит осознание Востоком того, что традицию надо не просто интерпретировать, но и нужны инновации. Нужны инновации, новые идеи, реформация определенного рода. И начинают предприниматься усилия по реформированию традиционных ценностей. Об этом много можно было бы говорить, поскольку я этим лично занималась. Сегодня я думаю, эта тенденция продолжается и ее тоже надо иметь в виду. Поэтому о современной мысли надо думать. В Индии такими персонажами – очень интересными – были Радхакришнан, который занимался вопросом философского синтеза Запада и Востока, который он понимал не примитивным образом, а творчески и оригинально, при сохранении своего индийского начала; Ганди, который не был, профессиональным философом, но у которого, конечно, была своя философия; и тех, кто совсем недавно ушел из жизни – это Сатчидананда Мурти; ныне еще живущий, слава Богу, Дебипрасад Чаттопадхьяя – ученик Карла Поппера. Это Балисубраманья, который с Юга, хорошо знающий свою традицию, но, тем не менее, интересующийся и работающий в контексте современной проблематики. Если говорить о Китае, – я Китай не так хорошо знаю, но одна фигура, по-моему, безусловно, требует интереса и изучения – это Ду Вэймин, которого считают современным Конфуцием. Другое дело, что он получил образование в Америке. Но сейчас он вернулся в Китай, он там работает и разрабатывает конфуцианские ценности. Наверняка там есть и другие интересные фигуры, но просто я их не знаю. На мусульманском Востоке интересны философы из Ирана. Вообще Иран – это особая страна в мусульманском мире – я не солидаризируюсь с их взглядами, я может быть, даже критически на них смотрю, но, тем не менее, отношусь к ним с большим уважением. Это самый широко известный на Западе, и в мусульманском мире автор – Сейид Хусейн Наср. Это Голям-

Реза Авани, живущий и действующий. Это Хасан Ханафи из Египта. Это философы из Марокко и Туниса – там своя школа. Мы делали к семидесятилетию Индийского философского конгресса книжку, она так и называется «Живая традиция», где мы писали о современных философах Индии. Я думаю, что этим надо продолжать заниматься и дальше.

М.Р.: Спасибо вам большое Мариэтта Тиграновна, что уделите время.

М.С.: Спасибо. Мне тоже было интересно с вами говорить, может, получилось сумбурно, но я была искренна... Как вам сказать, для меня эти проблемы не носят формального характера. Для меня это проблемы жизненной важности. Мне бы хотелось, чтобы к их решению подключались, чтобы на них обращали внимание и ими занимались представители молодого поколения. Спасибо.

М.Р.: Спасибо.

М.С.: Я очень рада, что за вашу программу – устной истории, взялись молодые люди, потому, что если бы этим занимались люди моего поколения – я бы не видела в этом особого смысла. Я посмотрела, кто делает вашу передачу и увидела там много молодежи. Я считаю, что это очень верный ход. Надо, чтобы молодежь беседовала со старшим поколением, уходящим поколением, чтобы тем самым была преемственность. Знаете Ганса Селье – того, кто ввел термин «стресс». Он считается фигурой, равной по значимости нашему Павлову. Он работал в Монреальском университете. И когда я работала в Канаде, то имела счастье с ним общаться, почувствовать в его семинарах. Так вот Ганс Селье говорил: «Каждое следующее поколение должно становиться на плечи предшествующего, чтобы видеть выше и больше знать, чтобы кругозор был шире». Вот надо, чтобы и наше следующее поколение через такие связи с нами становилось лучше, умнее нас и видело дальше нас. Спасибо.